

"Захария МакБрайд!"

Захария повернулся лицом к говорящему, стараясь не пролить кофе. У него была плохая привычка переполнять кружку, что могло сделать возвращение в его лабораторию упражнением прецизионной точности, которая почти соответствовала требованиям его реальной работы.

Он обнаружил двоих мужчин. Оба были одеты в строго утилитарные комбинезоны с именными табличками над левыми карманами - слева был А. Жиров; тот, что справа, С. Арпино, - и оба имели искусно сделанные значки безопасности, выданные посетителям, свисающие на грудь на ремешках.

"Да?" - сказал он.

Тот, кого звали Жиров, кивнул. "Пойдемте с нами, МакБрайд." Он перевернул значок, чтобы показать удостоверение с другой стороны, на котором была голограмма, изображающая его самого и легендарное название ГАУЛ.

Захария старался не допустить, чтобы внезапный страх проявился на его лице. "Гаулы" - используя прозвище, которое иногда применялось (хотя никогда в их присутствии), - Лига Генетического развития и подъема - служили внутренним слоям луковицы, как специальная сила безопасности.

Что объясняло напряженность Захарии. Чаще всего руководство Согласия использовало Гаулов как боевиков.

"Предпочтительный термин для этого - хранители внутренней дисциплины", ты понимаешь," - однажды сказал Захарии его брат Джек. Джек улыбался, как будто шутил, но в улыбке было очень мало юмора. Как и большинство профессиональных сотрудников службы безопасности Согласия, он не особо использовал Гаулов.

Напряжение перешло в гнев. "Сколько раз мы должны повторять этот вздор?" - потребовал он. "Я уже рассказал вам все, что знаю о моем брате - по крайней мере, пять раз. Больше ничего нет. Поверьте мне. Ничего. Зеро. Нуль. Я понятия не имею, почему Джек сделал то, что сделал.

Если он сделал это, во что я не верю ни минуты."

Жиров нахмурился. "Я не знаю, о чем вы говорите. Ваши семейные дела нас не касаются."

Он повернул голову и вопросительно посмотрел на стоявшего рядом с ним человека. "Не так ли?"

Его партнер Арпино советовался с маленьким планшетом. "Здесь есть упоминание о брате по имени Джек МакБрайд, который умер. Но это не связано нашей миссии, насколько я вижу."

"Как я и думал." Жиров повернулся к Захарии. "Пойдемте с нами, пожалуйста."

Теперь озадаченный Захария почувствовал, что его гнев угасает, но его сменило раздражение. Пойдем с нами! Как будто он был каким-то слугой.

Он сделал глоток кофе. Отчасти чтобы выиграть время; отчасти потому, что, если он

действительно должен был пойти с ними куда-нибудь, он хотел бы свести расплескивание кофе к минимуму. Роботы-уборщики, конечно, не будут жаловаться, но это был хороший кофе.

Его брат Джек однажды назвал Гаулов гангстерами. Сразу после этого он замолчал. У Захарии сложилось впечатление, что Джек случайно сболтнул это.

Он не давил на Джека по этому вопросу. Он и его брат были очень далеко внутри луковицы, но у них были разные специальности. В некоторых отношениях Джек имел более высокий уровень допуска, чем Захария; в других ситуация была обратной. Они были очень близки, вероятно, больше, чем большинство братьев, но они также старались не вторгаться на территорию друг друга.

У него было искушение оказать сопротивление Гаулам, но он знал, что рано или поздно ему придется сдаться. Они бы не стали его разыскивать, если бы у них не было на это полномочий. У них также была репутация строго следующих приказам. Они не были глупыми, конечно. Никто, находясь так глубоко внутри луковицы не был глупым. Но, похоже, у них было не так много воображения - и еще меньше эмпатии.

"Хорошо. Идемте. А куда вы меня забираете?"

Ответа не было. Гаулы просто повернулись и направились по коридору с Захарией позади.

* * *

Когда два Гаула привели его в комнату, скрытую в одном из крыльев похожего на лабиринт административного здания Научного центра, первым, кого увидел Захария, была Анастасия Черневская. Она сидела в конце конференц-стола в середине комнаты.

Захария с облегчением посмотрел на ее. Несмотря на всю свою внешнюю беспечность в отношении двух Гаулов, он опасался - и стал еще больше опасаться, когда они покинули научные лаборатории и направились к административному зданию. Он вряд ли когда-либо был там и не мог представить причину, по которой Гаулы ведут его туда, если не...

Если не что? То, что Жиллов и Арпино отрицали, что знали что-либо о Джеке, означало, что, по крайней мере, он не столкнулся с очередной инквизицией за предполагаемую измену брата. Но почему еще ...

Захария не любил неопределенности, кроме как в ожидании результатов лабораторного эксперимента.

Теперь, увидев Черневскую, он немного расслабился. Неопределенность все еще оставалась, потому что он понятия не имел, что она здесь делает, также, как и он сам. Но он и Анастасия хорошо ладили друг с другом. Они не были друзьями, потому что, как его руководитель, она сохраняла определенную дистанцию. Но их личное общение всегда было приятным, и они уважали профессионализм друг друга.

Дело в том, что Захария не мог представить, что она согласилась принять участие в еще одном допросе со стороны сотрудников безопасности по поводу его брата Джека. Зачем ей это? Она ничем не могла помочь и по крайней мере, сочла бы все дело по меньшей мере неприятным. В отличие от самого Захарии, он не думал, что Анастасия подвергает сомнению официальную линию про предательство Джека. Но он был уверен, что она не думала, что Захария был замешан в том, что действительно произошло.

"Привет, Анастасия. Приятно с вами встретиться."

Она быстро, почти мимолетно улыбнулась ему. Затем жестом указала на стул в конце стола, за которым сидела. "Садись."

Он сел. Сейчас он сидел под прямым углом к ней. Глядя через ее плечо он видел, как Жиллов и Арпино заняли позиции по обе стороны двери, через которую он только-что прошел. Они не стояли по стойке смирно, но довольно близко к этому. У Захарии было чувство, что Гаулы стоят так даже в душе. В Лиге Генетического развития и подъема главное - жесткость.

"Что мы.. "

Черневская предупредительно подняла руку. "Просто подожди немного, Захария. Она должна вот-вот..."

Дверь за ней распахнулась, и в нее вошла женщина. Захария узнал ее, хотя они никогда не разговаривали друг с другом. Она была высоко в иерархии луковицы и, скорее всего, в безопасности.

Ну ... не в "безопасности" в том смысле, как был его брат Джек. Захария не знал ничего особенного о работе своего брата. Он и Джек были очень осторожны, не касаясь этой темы - так же, как они избегали обсуждать точную природу работы Захарии. Но из различных слов, которые проскакивали у Джека, Захария знал, что его работа заключалась в том, что можно было назвать "обороной". Иными словами, Джек МакБрайд был одним из главных защитников Мезанского Соглашения.

Хотя его начальник, Изабель Бардасано, была... другой. Если его брат Джек был человеческим аналогом сторожевого пса, Бардасано была волком. В этом Захария был совершенно уверен.

Он встречался с Бардасано только дважды, и в обоих случаях контакт был коротким. Хотя он помнил ее довольно живо. Она была впечатляющим человеком в общении. Решительной по манере поведения, и вся покрыта яркими татуировками и пирсингом.

У вошедшей женщины была такая же небрежно-высокомерная, хищная аура, хотя у нее не было ничего видимого в виде татуировок или пирсинга на теле. Даже серег.

Он подумал, не заменяла ли она Бардасано. После разрушения Гамма-центра Бардасано исчезла. Захария понятия не имел, что с ней стало. Вполне возможно, что она даже была казнена. Соглашение не часто использовало смертную казнь; по крайней мере, с людьми из внутренних слоев луковицы. А если использовало, делало это очень тихо. Но не было невозможным, что даже такой высокопоставленный человек, как Бардасано, мог понести высшее наказание за катастрофу в Гамма-центре. Захария был уверен, что теперь-почти-всеобщая вера в сердцеvine Соглашения, что взрыв был вызван его братом, была чепухой. Но что бы ни случилось на самом деле, Бардасано должна была быть вовлечена в это по шею.

Тем она могла и поплатиться - своей шеей, не меньше.

Женщина выдвинула стул напротив Захарии и села.

"Я Дженис Маринеску. Приятно познакомиться и все такое, но давайте не будем терять время. Вы знакомы с планами операции Гудини."

Это было утверждение, а не вопрос. Но Маринеску сделала паузу и пристально посмотрела на

Захарию. Очевидно, по какой-то причине она хотела, чтобы он подтвердил, что знаком с Гудини.

Он осторожно кивнул. "Да, знаком. А почему вы спрашиваете?"

"Потому что он реализуется. Политическая ситуация сейчас разворачивается быстро, и мы не хотим рисковать, чтобы кто-то воспользовался ситуацией..."

Кто-то может воспользоваться ... Захария испытал искушение сказать: "Почему бы тебе прямо не назвать Мантикору, чтобы ты и я знали, о чем говорим?"

Но он не сказал. Напряжение вернулось в полную силу. Что-то... пошло не так. Или, по крайней мере, те силы, которые были в самых внутренних кругах, были обеспокоены тем, что скоро все пойдет не так.

"...так что вы будете в третьей отправляющейся группе. Вы и," - Маринеску кивнула Анастасии, - "главный ученый Черневская. Хотя вы не можете быть эвакуированы тем же рейсом."

Захария глубоко вздохнул. Это объясняло присутствие Гаулов. Гудини собирался разлучить множество семей. Включая его собственную. Власти позаботились о том, чтобы любой, намеченный для Гудини, кто мог испугаться или передумать ...

Сопровождающие.

Он решил думать о них таким образом. И не важно, что у сопровождающих, несомненно, были приказы навсегда заставить замолчать любого, кто станет слишком непослушным.

Хладнокровно думая об этом, Захария понимал логику. Цель Гудини была в том, чтобы удалить с Мезы любого, кто мог бы рассказать что-то о внутренних слоях луковицы и их внутренней работе. Они либо покидают планету путем эвакуации, либо покидают ее, покидая сей бранный мир.

Третьего варианта не было. Гудини всегда был просто возможностью, на которую он никогда не тратил много времени. Теперь он был здесь. Реально. Столь же реально, как сердечный приступ. Захария почувствовал острую, почти мучительную боль в груди, как будто у него действительно был сердечный приступ.

Приступа не было. Была только перспектива - теперь уже очевидная перспектива - что через короткое время он потеряет всю свою семью. Частично причина, по которым он никогда не задумывался о Гудини в прошлом, заключалась в том, что его брат Джек тоже был намечен для эвакуации. Так что, что бы ни случилось, у него все еще был бы один брат.

Теперь ... ничего. И никого.

У него оставалась также подруга Вероника, но это вызывало не больше, чем сожаление. Отношения не были такими уж серьезными.

В некотором смысле, хуже всего было то, что он даже не мог ничего сказать своей семье. Серьезность, с которой Согласие относилось к Гудини, подчеркивалась снова и снова и снова. Никто из знавших что-нибудь важное не мог оставаться на Мезе. Это означало, что если Захария что-нибудь намекнет своей семье - любому ее члену, только одному - и власти узнают, вся его семья будет уничтожена.

Он глубоко и с дрожью вздохнул. Анастасия протянула руку и положила на его руку. Затем слегка сжала ее.

Она тоже оставит людей позади себя. Он не был уверен, кого именно. Но ее муж был, вероятно, одним из них. Филиберто Черневский занимал ответственную должность в правительстве Мезы, даже довольно престижную. Но никто в официальном правительстве Мезы - ну, по крайней мере, очень мало людей - не были близко к внутренним слоям луковицы.

"Когда?" - спросил он Маринеску. Её единственным ответом был тот же ровный, пристальный взгляд.

<http://tl.rulate.ru/book/18880/387538>